

торических структур имело место и вне картезианской традиции и, следовательно, могло сложиться у Прокоповича независимо от нее). Само приложение риторических правил к данному языку обеспечивает ему литературный статус, сообщая ему достоинство (*dignitas*) древних языков. Выбор конкретного языка для того или иного текста обусловлен, видимо, коммуникативным заданием, причем кажется, что прагматизм Прокоповича в этой области (противопоставленный универсализации латыни у иезуитов и универсализации церковнославянского у русских приверженцев «еллино-славянской» учености) приводит к жанрово-функциональному распределению языков: латынь употребляется в ученых трактатах, церковнославянский — в ораторской и церковно-полюемической литературе, «простой» язык — в исторических сочинениях (вряд ли, впрочем, эта система выдерживается с полной последовательностью).

Р. Лахмани не ставит, к сожалению, общего вопроса о том, руководствовался ли Прокопович едиными критериями при отборе языковых средств в каждом из употреблявшихся им языков. Прокопович, безусловно, стремится к идеалу «гомогенизированного» литературного языка (с. XXIX). В его «Риторике» явно присутствует пуристическая установка, запрещающая употребление архаизмов, неологизмов, неоправданных заимствований и т. д. (ср., например, в главе I, 3 «*Quid faciat summum Oratorem*», с. 26—27). В отношении к латыни эта установка выражается в понятием требовании строго подражать классическим образцам и избегать любых варваризмов и солецизмов (с. 66—67, 205 и сл.). Сложнее обстоит дело с церковнославянским и русским. Кажется, пуристическая установка реализуется здесь лишь в осуждении явного языкового макарионизма (ср. с. 30—31, где Прокопович приводит в качестве примера дурного красноречия польскую надгробную речь, наполненную латинскими словами и выражениями; критикуя ее, Прокопович ориентируется на Квинтилиана, осуждавшего нечистоту языка у Сенеки). По крайней мере языковая практика самого Прокоповича (прежде всего его проповеди) не обнаруживает никаких пуристических тенденций. Во всяком случае, в качестве образца чистого языка не выступает для Феофана московская редакция церковнославянского (как вслед за В. П. Вомперским полагает Р. Лахмани, с. XXXII). В своем «Мнении о библейском переводе» 1736 г. Прокопович критикует тот церковнославянский, который употреблялся московскими книжниками конца XVII — начала XVIII в. как «нечистый» язык, избыточный вышедшими из употребления словами и бессмысленными эллинизмами. Видимо, именно отсутствие пуристического подхода к церковнославянскому позволяет Прокоповичу осуществлять «сближение

церковнославянского и народного языка» (с. XXXII) и пользоваться разными языковыми регистрами в зависимости от функционального задания текста.

Можно было бы обратить внимание и на отношение Прокоповича к поэтическому языку, отличающее свойственный ему пуризм (направленный против крайностей языкового разнообразия барокко) от пуризма классицистов. В самом деле, в поэтическом языке (в отличие от языка ораторского) допустимы особые поэтические слова, метафоры, сложные прилагательные и т. д. (с. 35—36). Таким образом, следуя здесь за Н. Коссеном, Прокопович освобождает поэзию от пуристических ограничений. Не исключено, что эти воззрения Прокоповича оказали прямое влияние на Кантемира и Тредиаковского, также ограничивавших действие пуристических принципов в поэтическом тексте.

Подводя итоги, исследователь подчеркивает, что «Риторика» Прокоповича консервативна по своему содержанию (по сравнению с современными ей европейскими образцами). Прокопович создает учебное пособие, в котором излагаются основы риторической науки; он рассматривает их как «наднациональный, универсально значимый и применимый канон литературной теории» (с. XXXVI). Новаторство Прокоповича в том, что этот канон утверждается в условиях иной культуры, выступая тем самым как ее кардинальное преобразование.

Под этим углом зрения Р. Лахмани рассматривает во втором разделе исследования и самое содержание «Риторики». «Риторика» Прокоповича определяется здесь как риторика декорума (*Decorum Rhetoric*). Р. Лахмани подробно разбирает, какое значение имеет этот тип риторики и как он конкретно воплощается в трактате Феофана. Адекватный пересказ концепции автора занял бы слишком много места, и мы ограничимся лишь конспективным ее изложением.

Риторика предусматривает классификацию коммуникативных ситуаций по целому ряду параметров. Сюда относятся и название текста (*officium*: *movere, delectare, probare, persuadere*), и характеристики коммуникативного акта (место, время, статус участников) и предмет речи. В связь с этими параметрами ставятся риторические средства: тематические (*inventio*), стилистические (*elocutio*) и средства расположения единиц текста (*dispositio*). «Риторика» Прокоповича относится к числу руководств, ориентированных на нормативные правила; эти правила предусматривают жесткую связь между назначением текста, характеристиками коммуникативного акта и предметом речи, с одной стороны, и риторическими средствами — с другой. Системе подобных правил приписывается универсальная значимость, т. е. они выступают как характеристика всякой правильно устроенной культуры, а нарушение их рассматривается как отступ-